

Игорь БУРКУТ

ИСТОРИЧЕСКАЯ СУДЬБА ГАЛИЦКОГО И БУКОВИНСКОГО РУСИНСТВА. ФИНАЛ.

В последние годы возрастает интерес исследователей к исторической судьбе русинского населения Галиции и Буковины. Старинный этноним **русин**, который использовался на протяжении столетий, исчез из официальных документов и повседневного народного языка за считанные десятилетия. Ему на смену пришёл другой аутоэтноним – **украинцы**. Вытеснить привычное самоназвание из народного сознания любым юридическим актом невозможно: достаточно вспомнить поползновения турецких властей лишить курдов их исторического самоназвания. Попытки изменить этнонациональное самосознание исключительно с помощью внешнего давления, как правило, провоцируют всё возрастающее сопротивление и, в конечном итоге, лишь стимулируют зарождение крайних форм национализма среди жертв этого давления. Поэтому некорректно рассматривать массовый отказ галичан и буковинцев от старого самоназвания только как результат внешней интриги (австрийской или польской, стимулированной Ватиканом). Такой крайне упрощённый подход не позволяет с должной глубиной оценить сложные этнические процессы, происходившие в реальной жизни. Игнорирование внутренних факторов этих процессов неминуемо заводит исследователя в тупик.

Когда происходит консолидация нации, то на смену старым этнонимам нередко приходит новый. Достаточно вспомнить, что в начале XX в. в официальных документах Российской империи употреблялись названия *бакинские турки*, *татары*, *тюрки* для представителей разделённого между Россией и Персией этноса, который себя назвал *азербайджаналар* и в период распада империи 28 мая 1918 г. провозгласил создание независимой Азербайджанской Республики. Раздробленность уйгурского этноса, очутившегося под властью различных завоевателей, вызвало появление этнонимов *кашгарлык*, *хотанлык*, *таранчи* и др. Лишь объединение уйгуров окончательно утвердило в их среде общий аутоэтноним. Подобная судьба была и у этнонима *украинцы*, пришедшего на смену традиционному самоназванию *русины*. Развитие и укрепление связей между различными частями этого этноса, в первую очередь, его интеллектуальной элитой, способствовало ускорению нациогенеза современной украинской нации.

С нашей точки зрения, особый научный интерес представляет финальный этап истории русинства Галиции и Буковины, связанный с трагическими событиями двух мировых войн. Именно к середине XX в. постепенно исчезают из повседневного употребления ранее привычные для галичан и буковинцев термины *русин*, *руснак*, «*руськи людэ*». Однако они сохранились в землях, ранее находившихся под властью короны святого Иштвана: этнические процессы в Транслейтании заметно отличались от тех, что происходили в Цислейтании. Поэтому судьба русинства современных Закарпатья, Пряшевщины, Марамуреша, Бачки, Срема и Славонии в настоящей статье не рассматривается.

Внедрение нового аутоэтнонима *українцы* началось на востоке Австро-Венгрии лишь в конце XIX – начале XX в., но процесс этот проходил медленно и поначалу охватывал только образованные слои населения – педагогов, юристов, чиновников, инженеров и врачей, а также студентов, семинаристов, часть греко-католических и православных священников и особенно гимназистов и школьников вообще. Постепенно переходили на него городские торговцы, предприниматели, ремесленники и рабочие. Основная же часть крестьянства употребляла привычное самоназвание. А на Буковине наиболее патриархальная среда до конца XIX в. даже сохраняла древнее самоназвание «волохи», используемое не только молдаванами, но и частью славян.

Чтобы уяснить суть этого парадоксального явления, необходимы некоторые пояснения. В духовной жизни Молдавского княжества, под властью которого до 1774 г. находилась Буковина, господствующие позиции принадлежали православию. А в соседней Галиции, которая до 1772 г. пребывала в составе Речи Посполитой, при активной поддержке властей укоренялась Брестская уния 1596 г., вследствие чего католичество восточного обряда вытеснило православие почти полностью. Некоторая часть галичан искала спасения от нестерпимого панского гнёта в соседнем Молдавском княжестве, где положение крестьян было заметно лучшим. Переселяясь на Буковину, галицкие русины сохраняли верность греко-католичеству, которое буковинцы называли «русинской верой»: в отличие от своих буковинских братьев галичане чётко осознавали своё русинское происхождение. Многие буковинцы были выходцами из этносмешанных семей и владели, как минимум, двумя языками – их национальное самосознание отличалось определённой размытостью, нечёткостью. Над ним, как и в средневековье, доминировало конфессиональное сознание. А общее для восточнославянского и восточнороманского населения Буковины православие традиционно называлось здесь «волошской верой». Отсюда и самоназвание «волохи», содержащее не столько этнический, сколько

конфессиональный смысл. Его рьяно поддерживали священники-румыны, которых назначали в этносмешанные сёла с целью румынизации славян.

Лишь в период ускоренной модернизации общества, наступивший после революции 1848-1849 гг., этнонациональные проблемы оказываются в центре внимания буковинской общественности. Восточнороманское население края, прежде всего его элитарные слои, имевшие тесные связи с Трансильванией и только что получившей независимость Румынией, уже во второй половине XIX в. перешло на аутоэтноним «румыны». А в среде восточнославянского населения вокруг вопроса о национальной самоидентификации нарастал глубокий конфликт. Борьба между ориентировавшимися на Россию русофилами (или «москвофилами», как их называли политические противники) и народовцами – сторонниками единства восточных и западных украинцев к началу XX в. достигла апогея. В ней уже доминировала политическая составляющая, оттесняя языково-культурные аспекты на второй план. Охватывая патриархальных «волохов» Буковины, эта борьба усиливала этнодифференцирующие процессы в их среде, ускоряла переход *ñèààýí ñèí é -àñòè ï ðàâî ñèàâî î é î àù èí ù èðàý í à ñàì î í àçââî èâ русины*, а затем – и *украинцы*.

Народовцы подчеркивали: живущие в Российской империи украинцы (которые ещё в XVII в. называли себя «русинами», потом в официальной терминологии превратившиеся в «малороссов», а в живом народном языке – в «украинцев») и проживающие в монархии Габсбургов русины представляют собой единый народ. Вот какие аргументы в подтверждение этой мысли привёл анонимный автор изданной в Черновцах в начале XX в. книге «Русины и "волошская вера"»: «Случится нашему человеку из Буковины или Галичины попасть на Украину в России, в города Киев, Одессу или ещё дальше до Харькова; и там он встретит своих людей, которые заговорят с ним родным словом, запоют такие же щедровки, колядки и другие песни, что и мы, которые так же проводят свадьбы, крестины, похороны; и все остальные обычаи у них такие, как и в нашей родной стороне» [1. С. 5-6]. И далее: «называемся мы, русины, также украинцами» [С. 8].

Русофилы же утверждали иное: великороссы, малороссы и белорусы являются единым *русским народом* «от Карпат до Тихого океана». Во второй половине XIX в. их идеи были весьма популярны среди галицких и буковинских крестьян, задавленных непосильным налоговым гнѐтом и подвергавшихся насильственной ассимиляции. Могущественную Российскую империю значительная часть крестьянства Галичины и Буковины воспринимала как свою потенциальную защиту от произвола австрийских властей. Один из активных деятелей

народовского движения Лонгин Цегельский писал: «Социальной основой москвофильства среди народных масс была надежда мужика на «белого царя», который вот-вот придёт в Галичину, проучит «панов-ляхов и пиявок-жидов», «отменит налоги» и разделит помещичью землю среди мужиков» [2. С. 392].

Ориентация русофилов на Россию угрожала территориальному единству Австро-Венгрии, поэтому венские власти поддерживали народовцев. Австрофильские настроения были распространены среди тех слоёв населения, которые втягивались в рыночные отношения и умели защищать свои права при помощи институтов гражданского общества и преимуществ парламентаризма. На них и опирались народовцы – идеологи украинства в монархии Габсбургов. Официальная Вена рассчитывала использовать украинцев в своих захватнических планах на случай войны с Россией, а Санкт-Петербург, в свою очередь, надеялся на поддержку русинского населения «Червонной Руси» при вступлении своих войск на территорию Галиции, Буковины и Закарпатья. Русофильские организации получали значительную помощь от России, в том числе и материальную.

Первая мировая война стала тяжким испытанием для русофилов. А её начало представители этого общественно-политического движения восприняли как свою победу. В начавшейся 5 августа 1914 г. битве за Галицию императорско-королевская армия Австро-Венгрии потерпела сокрушительное поражение, и части Российской императорской армии овладели Львовом и Черновцами.

Тогдашняя русская пресса была заполнена репортажами о радостной встрече русских солдат русинским населением. Опираясь на эти материалы, наш современник Александр Каревин пишет: «Местные жители всячески содействовали русской армии, информировали её о перемещении противника, при необходимости служили проводниками русских частей, где могли, повреждали австро-венгерские линии связи. Насильственно мобилизованные в австро-венгерскую армию галичане при первой возможности сдавались в плен. Всё это способствовало разгрому австро-венгров и быстрому продвижению русских войск. Население торжественно встречало освободителей. Во многих сёлах навстречу им выходили крестьянские депутации с хлебом-солью. При вступлении во Львов огромная толпа забрасывала солдат цветами. Значительное число жителей Галиции вступило добровольцами в русскую армию» [3].

Анализ иных источников позволяет избавиться от излишней однозначности в описании тех событий. В плен сдавались не только русины: разгромленные в приграничном сражении полки австро-венгерской армии отступали, нередко в беспорядке, немало военнотружущих

различных национальностей в отчаянии бросало оружие. Русины служили в 26 пехотных и стрелковых полках, а также в 15 кавалерийских – из имевшихся в регулярной армии Австро-Венгрии 102-х полков инфантерии и 44-х полков кавалерии. Из 37 пехотных полков ландштурма (территориальной обороны) в 11 также служило много русинов, как и в 3-х кавалерийских полках ландштурма – из 16 имевшихся. Были они в артиллерии, технических частях и т.д. Вместе с русинами служили поляки, евреи, румыны, венгры и представители иных национальностей Галиции, Буковины и Закарпатья. Они тоже, оказавшись в безвыходной ситуации, часто сдавались в русский плен. Всего в Галицийской битве императорско-королевская армия потеряла свыше 300 тыс. чел., из них более 100 тыс. пленными [4. С. 99]. Слабость австро-венгерской армии была следствием слабости самой «лоскутной монархии» Габсбургов.

Дунайская монархия после поражения в войне 1866 г. с Пруссией утратила статус великой державы, её разъедали изнутри межнациональные противоречия, отнюдь не преодоленные системой дуализма. Цели начавшейся войны были непопулярны среди многих представителей угнетенных национальностей, не желавших проливать кровь за императора Франца Иосифа. Но некоторые общественно-политические движения пытались использовать войну для реализации своих планов: например, польские и украинские националисты. Они приступили к формированию добровольческих частей в составе австро-венгерской армии – так называемых «легионов». В августе 1914 г. около 28 тыс. добровольцев в Галиции стремились вступить в украинские части, однако в Легион сечевых стрельцов зачислили только 2,5 тыс. чел. [5. – С. 18]. В тылу русских войск в разгоревшейся в Карпатах партизанской войне активно участвовали гуцулы-добровольцы, объединенные в гуцульско-буковинский легион (около 1,5 тыс. чел.) [6. С.41].

Русины-военнопленные сражались и по другую сторону фронта, добровольно вступая в русские части (среди них – известный активист русофильского движения В.Р. Ваврик (1889-1970)) или же в специально созданные из перебежчиков и военнопленных соединения. Из них была, например, сформирована Карпаторусская дивизия в составе Отдельного Чехословацкого корпуса в России. А немецкое и австро-венгерское командование сформировало из военнопленных украинцев – подданных Российской империи две пехотные дивизии («Синюю» и «Серую»), ещё одна пребывала в стадии формирования. При этом все стороны грубо нарушали международное право: положение IV Гаагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны от 18 октября 1907 г. запрещает подобные формирования из военнопленных.

Что касается описанной русскими журналистами радостной встречи освободителей, то события лета 1914 г. необходимо рассматривать

не изолированно, а в контексте всей истории Галиции XX в. Точно так же галичане встретили Красную Армию в сентябре 1939 г. и войска Вермахта в июне-июле 1941 г.: во всех этих случаях местное население надеялось на значительное улучшение своего положения при новой власти. И каждый раз вскоре испытывало глубокое разочарование.

Впервые галичане разочаровались в 1914-1915 гг. В занятых «по праву войны» Галиции и Буковине устанавливалась российская «оккупационная администрация» (этот термин употреблялся официально в её документах). Было создано временное Галицийское военное генерал-губернаторство, в состав которого включалась и только что созданная Буковинская губерния. Никакого послабления налогового гнёта для крестьян не последовало – прежние, установленные австрийской властью налоги сохранялись во всём их объёме. О разделе помещичьей земли среди крестьян и речи не могло быть. К тому же местное население страдало от частого изымания коней, скота, продовольствия и другого имущества, которым сопровождалось движения фронтов. Потрясли население прямой грабёж и насилие, в которых «отличались» донские казаки и конники «Дикой дивизии» (чеченцы, ингуши, дагестанцы, азербайджанцы и др.).

Крайнее возмущение буковинцев вызвали проявления вандализма «освободителей»: разграбление Черновицкого университета [7. С. 73], разгром Кицманской украинско-немецкой гимназии с уничтожением бюста Т. Шевченко (работы скульптора Гаврилко) и оборудования кабинетов, уничтожение ценной библиотеки 1-й Черновицкой немецкой гимназии и т.п. Шок испытали буковинцы, впервые столкнувшись с русскими солдатами. Писатель и педагог Иван Бажанский (1863-1933), работавший в военные годы в буковинском городке Вашковцы, записал в своём дневнике от 24 декабря 1914 г.: «Теперь настал для Вашковцев страшный час. Что не уничтожили пушечные московские снаряды, то уничтожили и ограбили сами москальи. Как наводнение, ввалились они в город, грабя и разбивая всё в домах и глумясь над женщинами и девушками» [8. С. 38]. Кстати, после детального знакомства с поведением солдат других воюющих армий (его дом обчистили «союзники»-немцы), И. Бажанский записал 3 декабря 1917 г.: «Умеют хорошо красть и немцы, не хуже москалей».

А в «Черновицкой хронике», которую в годы войны вёл греко-католический священник, общественный деятель и литератор Константин Балицкий (1880-1936), есть такая запись. Рассказывая о поведении казаков, автор сообщает: «В Кицмане был случай, когда офицер украл у казака краденую вещь, а тот снова украл у офицера. Поэтому началась драка. Офицер бил нагайкой казака, заставляя отдать, но безус-

пешно, ибо казак, несмотря ни на что, не дал. При всём этом они очень аморальны. Насиловать днём, даже прилюдно – это у них будничная вещь» [9. С. 574].

Повседневные эксцессы такого рода привели к заметной смене общественных настроений. Многие простые крестьяне-русины убедились в иллюзорности своих надежд на освобождение от иноземного гнёта и улучшение жизни под властью «белого царя». Пришлось испытать разочарование и немалому числу активистов русофильских организаций.

Их образованная часть рассчитывала получить ключевые посты в новой администрации, но они просчиталась: управленцами в основном стали приезжие российские чиновники. Жителям Галиции и Буковины пришлось рассчитывать лишь на самые незначительные должности, за очень редкими исключениями. Например, они иногда становились консультантами при губернаторе – как Алексей Юлианович Геровский (1883-1972), который занял должность старшего чиновника по особым поручениям при российском губернаторе Буковины коллежском советнике С. Евреинове.

Вместе со своим братом Георгием (1886-1959) Алексей ранее учился в 1-й Черновицкой немецкой гимназии, со временем был арестован австрийскими властями по обвинению в шпионаже в пользу России, но бежал, подкупив тюремного чиновника. Вернувшись с русскими войсками в город, который они прекрасно знали, братья Геровские оказали неоценимую помощь чинам российских спецслужб. По их доносам в крае прокатилась волна арестов активных деятелей украинских организаций, прежде всего учителей [10. С. 86]. В Нарымский край был, в частности, депортирован Николай Спинул (1867-1928), депутат австрийского парламента и весьма популярный буковинский педагог. Начались еврейские погромы (ранее неизвестные в крае) и казни местных жителей.

Среди казнённых на Буковине за шпионаж в пользу австрийцев преобладали украинцы, евреи и поляки. По доносу местных москвофилов были расстреляны трое жителей украинского села Кливодин, кроме того, в Кицманском уезде расстреляли 9 евреев, повесили двух евреев и по одному поляку и украинцу [11. С. 54]. Активисты русофильских организаций нередко сообщали русским властям о своих политических противниках как о заклятых врагах России. Братья Геровские тут были вне конкуренции. На Буковине ныне проживает немало потомков тех, кто пострадал от их наущничества, и недобрая память о такой деятельности в Черновцах ещё сохраняется. Но их старшего брата Романа и сестру Ксению, далёких от политики, черновицкие старожилы до сих пор вспоминают с теплотой.

Новая администрация наносила удар по украинским общественным и политическим организациям (так называемым «мазепинцам»), по украинской системе образования. Борьба с украинским языком, который насильно заменялся русским литературным (малопонятным основной массе крестьянства), вызвала неприятие многих галичан и буковинцев. В эти провинции назначались малообразованные чиновники, уровень коррумпированности которых превышал даже тот, что ранее демонстрировало продажное австрийское чиновничество. Объективную оценку их деятельности дала современная московская исследовательница А.Ю. Бахтурина: «Наибольшие и довольно справедливые нарекания вызвала деятельность местной администрации, образовательный уровень и методы работы которой оставляли желать лучшего. Этого (в сочетании с шумными декларациями российских властей о присоединении Восточной Галиции к Российской империи как исконно русской области, рядом распоряжений по реформированию образования и вероисповедания) оказалось достаточно, чтобы вызвать негативную реакцию на политику российских военных и гражданских властей в Восточной Галиции как со стороны галицийского населения, российских либералов, так и за рубежом» [12. С. 228].

Немало галицких и буковинских русофилов и сочувствующих им пережило глубокое разочарование из-за несбывшихся надежд. Их прежняя уверенность в тождественности русских и русинов была поколеблена личным знакомством с чиновниками и военными, прибывшими из России, – невооружённым глазом была видна немалая разница не только в языке, но и в менталитете, бытовой культуре и т.п. А преследуемые российскими властями представители украинской интеллигенции в глазах местного населения удостоились мученического ореола. Однако ещё большие муки ждали их политических противников-русофилов, когда вследствие военных неудач Российская императорская армия была вынуждена отступить.

В Галицию и Буковину при поддержке союзной кайзеровской армии возвращались австро-венгерские войска. Официальная Вена видела основную причину своих неудач в начальный период войны в «измене русинов», посему русинское население Галиции и Буковины на себе почувствовало всю тяжесть массовых репрессий со стороны австрийских властей.

Военно-полевые суды выносили смертные приговоры не только тем, кто действительно помогал русским войскам, но и абсолютно невинным людям, которые становились жертвами наветов. Среди доносчиков были поляки, евреи, немцы, румыны и др. Но особо запомнились пострадавшим наушники-украинцы, их же братья. Брошенный москвофилами бумеранг вернулся к ним самим, причём ударил с много-

кратно возросшей силой. Нередко сводились личные счёты, вследствие чего пострадали тысячи людей. Убийства невинных в значительной мере подорвали австрофильские настроения среди местного украинского населения. Зачастую казнили лишь для устрашения, а не за конкретные действия. И казнили без суда – по решению офицера или унтер-офицера.

Например, в октябре 1914 г. в буковинском селе Большой Кучуров австрийский жандарм Иоганн Дрешер (позже признанный психически больным) после чудовищных издевательств повесил пятнадцатилетнего Константина Сторощука по надуманному обвинению в шпионаже. 29 сентября 1914 г. по приказу обер-лейтенанта Франца Тробея было сожжено галицийское село Уторопы и повешено несколько его жителей: мол, община села является «русофильской» [13. С. 643-645]. Большое количество документов о преступлениях австрийских карателей давно опубликовано. Достаточно назвать четыре тома «Талергофского альманаха», где приводятся свидетельства о массовых казнях, депортациях, физических и моральных пытках невинных людей.

Общее число казнённых по приговору военно-полевых судов, убитых во время жестоких внесудебных расправ, погибших при высылке в концлагеря Талергоф, Терезин и др., а также умерших от эпидемий и тяжёлых условий пребывания в лагерях невозможно подсчитать с достаточной точностью. Как правило, исследователи определяют его в 60 тыс. чел. Среди погибших было немало активных деятелей русофильского движения, хотя многие русофилы смогли выжить, несмотря на массовые репрессии австрийских властей. Вряд ли в этой связи можно согласиться с доктором исторических наук, профессором, академиком Академии правовых наук Украины, Заслуженным деятелем науки и техники Украины Дмитрием Табачником. Он утверждал, что в годы Первой мировой войны «подавляющее большинство «москвофильской» интеллигенции, учителей, священнослужителей, симпатизирующих им крестьян было «по законам военного времени» расстреляно, повешено, замучено» [14. С. 323]. Если расплывчатое определение «подавляющее большинство» перевести на язык конкретных цифр, то выйдет, что 60 тыс. погибших составляет около 1,5 % от почти 4 млн. русинов Галиции, Буковины и Закарпатья. Иными словами, по этой логике 98,5 % русинов не относилось ни к активным «москвофилам», ни к симпатизирующим им крестьянам. Документы же свидетельствуют, что поддержка русофилов в Галиции и Буковине до широкомасштабных австрийских репрессий против «русинов-изменников» была заметно шире.

Однако массовый террор австро-венгерских властей действительно нанёс смертельный удар русофильскому движению. Многие русофилы погибли, ещё больше вынуждены были отойти с русскими войс-

ками – часть из них так и не вернулась на родину. Страх перед репрессиями оттолкнул от этого движения даже тех, кто мог стать его потенциальными сторонниками. А большинство русинов окончательно убедилось, что будущего в Австро-Венгрии у них нет. Как не имеют будущего русины и в Российской империи, где их считают незначительной частью «единого русского народа» и воспринимают лишь как инструмент собственной политики. А знакомство с русскими чиновниками и солдатами показало русинам, что они такой частью не являются – различия слишком глубоки. Оставалась единственная альтернатива: окончательный переход на новый этноним украинцы и совместная борьба с политически активными украинцами Надднепрянщины за создание собственного объединённого государства.

В условиях распада Российской империи возникла Украинская Народная Республика, а затем, когда распадалась Австро-Венгрия, независимость провозгласила Западноукраинская Народная Республика. В самом начале 1919 г. они объединились, и в новом государстве этноним *русин* полностью утратил прежнее значение. Хотя история этого государства была короткой, но для утверждения нового национального самосознания она оказалась определяющей. После окончательной победы большевиков Украина стала советской социалистической республикой, в которой утвердился этноним *украинцы* и уже не употреблялся термин «малороссы», тем более не проповедовалась теория «единого русского народа». Если дореволюционная Россия поддерживала русофилов в Австро-Венгерской монархии, то в СССР выдвигался тезис о «воссоединении всех украинских земель в составе Украинской ССР». Москвофильство утратило внешнюю поддержку, а внутренних сил для выживания ему не хватало. Красная Москва сделала ставку не на русофилов-монархистов, а на членов основанной в феврале 1919 г. Коммунистической партии Западной Украины и возникшей в ноябре 1918 г. Коммунистической партии Буковины. Но тем пришлось действовать в нелёгких условиях иностранного господства, постоянных преследований и террора властей.

Галиция, по Рижскому мирному договору 1921 г., передавалась Польше, Буковина же ещё в ноябре 1918 г. была занята румынскими войсками. Период 20-40-х гг. XX в. стал последним в исторической судьбе русинства этих земель. Польские шовинисты – чиновники и простые обыватели – зачастую не скрывали ненависти к этнониму *украинец*, вместо него употребляя слово *rusin*, которое обычно произносилось с нескрываемым презрением. В отместку галичане пародировали польскую национальную песню, вставляя в неё глумливые слова «Jeszcze Polak Rusinowi czyścić będzie buci» («Ещё поляк русину будет чистить ботинки»). Себя же галицкая молодёжь подчёркнуто

называла только украинцами. Аутоэтноним русины массово сохранялся лишь на Лемковщине и в речи пожилых людей. И то он воспринимался скорее как дань истории, постепенно уходя в прошлое. Бурные события 40-х гг. ускорили его полное исчезновение.

Однако до Второй мировой войны в Галиции продолжали действовать организации русофилов, ещё выходили их периодические издания и книги, по их инициативе в ряде населённых пунктов сооружались памятники жертвам австро-венгерских репрессий 1915-1918 гг. Из таких объединений наиболее известными были Русская народная организация под фактическим руководством В.Я. Труша (1869-1931) и Галицко-русская матица, которую возглавлял профессор богословия Тит Мишковский (1861-1939). Сфера деятельности русофилов в этот период была весьма узкой, многие дети активистов этого движения становились активными деятелями украинских организаций. Среди них были как коммунисты (например, яркий публицист Ярослав Галан (1902-1949), сын узника Талергофа), так и активисты Организации украинских националистов (ОУН).

Автору данной статьи приходилось слышать определение «ми, руські люди» даже в 1950-е гг., но только из уст 70-80-летних галичан. И то они, как правило, добавляли: «ми є руські, а не москалі». После переселения более 500 тыс. лемков из Польши в СССР в их среде тоже побеждает этноним *українцы*. Изредка в устной речи или на письме употребляется самоназвание *лемки*. Так, Всеукраинская перепись населения 2001 г. зафиксировала 672 представителя этой этнографической группы, из них родным языком называли украинский 95,4 % [см.: 15. С. 169].

На Буковине в 1918-1940 гг. румынские власти проводили политику раскола восточнославянского населения края с целью его ускоренной ассимиляции. Не случайно в официальных переписях населения существовали графы «украинец», «русин», «гуцул» и др. Бухарест придерживался точки зрения, которую чётко сформулировал черновицкий историк и политик Ион Нистор: на Буковине нет ни автохтонных украинцев, ни русинов, а есть только румыны, которые под влиянием галицких переселенцев «забыли родной язык своих предков» [16. С. 274]. К 1927 г. в крае не осталось ни одной украинской школы [17. С. 230]. Однако насильственная румынизация наталкивалась на растущее сопротивление, в котором всё более активную роль играла подпольная ОУН. Против грубого нарушения прав национальных меньшинств официальным Бухарестом боролись также подпольщики-коммунисты, выступали против такой политики и члены легальной Украинской национальной партии, ряда украинских общественных организаций. Возглавляли эту борьбу не лидеры сошедшего с исторической арены ру-

софилского движения, а политически активные украинцы. Реальная угроза денационализации вынудила идти на сотрудничество с украинскими организациями и широко известных деятелей некогда влиятельного русофильства.

В этом контексте необходимо вспомнить протоиерея Кассиана Дмитриевича Богатырца (1868-1960), который в период между мировыми войнами был благочинным Днестрянского округа в Кицмане и немало сделал для того, чтобы защитить от насильственной румынизации свою паству. Высокообразованный и смелый человек, он последовательно защищал свои русофильские взгляды на Втором Венском процессе 1916-1917 гг. и мужественно принял смертный приговор австрийского суда. Помилованный императором Карлом I, Кассиан Богатырец со временем смог вернуться на Буковину. О нём с уважением до сих пор вспоминают люди различных политических взглядов [18. С. 275-280]. После освобождения края от гитлеровских оккупантов К.Д. Богатырец 1 августа 1944 г. собственноручно заполнил анкету в связи с регистрацией его в Совете по делам РПЦ при Черновицком облисполкоме в качестве настоятеля Николаевского собора в Черновцах. Там в графе «национальность» указал: «Украинец». Этот документ, ныне хранящийся в архиве Украинского Народного Дома в Черновцах [19. Л. 4], недавно был опубликован в переводе на украинский язык – саму анкету священник заполнил на литературном русском языке [20. С. 606-607].

Таким образом, замена традиционного этнонима *русин* на новое самоназвание *украинец* происходила постепенно, новый термин под давлением обстоятельств начали признавать даже убеждённые русофилы. Кстати, и в делопроизводстве Австро-Венгрии смена этих этнонимов осуществлялась замедленными темпами: указ про официальную замену этнических названий *Ruthenen*, *ruthenisch* на *Ukrainer*, *ukrainisch* Министерство краевой обороны опубликовало лишь 13 апреля 1918 г. [21. С. 124]. События Второй мировой войны окончательно вытеснили из обихода галичан и буковинцев старое самоназвание во всех его вариациях. Сталинские репрессии после присоединения к СССР Восточной Галиции в сентябре 1939 г. и северной части Буковины в июне 1940 г. поставили крест на прежних русофильских симпатиях местного населения. Жертвами террора стали члены политических партий и активисты многих общественных организаций, в том числе и русофильских. Так, органы НКВД захватили полные списки членов молодёжной организации русофилов «Друг», после чего физически уничтожили этих молодых людей [22. С. 5].

Современные галичане и буковинцы, считая себя украинцами, не забывают и о своих русинских корнях. Львовские и черновицкие историки стремятся объективно оценить прошлое русинства, непредубеж-

дённо рассмотреть зарождение и развитие противоборствующих идейно-политических движений в его среде [23]. В это прошлое нередко уходят корнями проблемы сегодняшнего дня, и без его детального изучения невозможно найти решение такой кардинальной проблемы современной Украины, как формирование современной украинской политической нации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Русини а «волоська віра». Вид. 2-е, доп. Чернівці: Руська Рада, 1911.
2. *Цегельський Л.* З австрійської України. Галицьке москвофільство в останній його фазі // Літературно-науковий вісник. Т. Л. Львів, 1910.
3. *Каревин А.* Почему русофобия на Западной Украине воспринимается как патриотизм / <http://www.edrus.org>.
4. *Шаццло В.* Первая мировая война 1914-1918. Факты. Документы. М.; ОЛМА-ПРЕСС, 2003.
5. Українські січові стрільці, 1914-1920. Репринтне відтворення з видання 1935 р. Львів: Слово, 1991.
6. *Брицький П.П., Добржанський О.В.* Буковинці на дипломатичній службі УНР та ЗУНР. Чернівці: Золоті литаври, 2007.
7. *Запововський В.* Чернівецька «Франціско Йозефіна» (роки війни 1914-1918) // Міні-космос Буковини. Культурні здобутки регіону. Матеріали Міжнародної наукової конференції, присвяченої 130-річчю Чернівецького університету. Чернівці: Зелена Буковина, 2006.
8. *Бажанський І.М.* Війна: Щоденник-хроніка буковинського педагога та письменника (Вашківці; 31.8.1914 – 29.11.1917). Чернівці: Зелена Буковина, 2006.
9. *Балицький К.* Чернівецька хроніка 1914 року // *Добржанський О.В., Старик В.П.* Бажаємо до України! Одеса: Маяк, 2008.
10. *Жуковський А.* Історія Буковини. Ч. 2. Чернівці: Час, 1993.
11. *Запововський В.М.* Буковина в останній війні Австро-Угорщини 1914-1918. Чернівці: Золоті литаври, 2003.
12. *Бахтурина А.Ю.* Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны. М.: АИРО-XX, 2000.
13. *Карбулицький І.* Мої спомини [уринок про жандармський терор в 1914-1918 рр.] // *Добржанський О.В., Старик В.П.* Указ. соч.
14. *Крючков Г.К., Табачник Д.В.* Фашизм в Украине: угроза или реальность? Харьков: Фолио, 2008.
15. Малий етнополітичний словник. К.: МАУП, 2005.
16. См.: Нариси з історії Північної Буковини. К.: Наукова думка, 1980; Nistor I. 1) Der nationale Kampf in der Bukowina. Bukarest, 1918; 2) Istoria Bucovinei. Bucureşti: Humanitas, 1991.
17. Буковина: історичний нарис. Чернівці: Зелена Буковина, 1998.
18. *Яремчук С.* Життєвий шлях православного священика Кассіана Богатирця // Питання історії України: Збірник наукових статей. Чернівці: Зелена Буковина, 2003. Т. 6.

19. Архів УНДЧ: Ф. К. Богатирця. Оп. 1. Спр. 1. Арк. 4.

20. *Богатирець К.* Анкета та автобіографія // Добржанський О.В., Старик В.П. Указ. соч.

21. *Попик С.* Українці в Австрії 1914-1918. Австрійська політика в українському питанні періоду Великої війни. Київ-Чернівці: Золоті литаври, 1999.

22. Свободное слово Карпатской Руси. 1966. № 9-10.

23. *Макарчук С.А.* Москвофілство: витоки та еволюція ідеї (середина XIX ст. – 1914 р.) // Вісник Львівського університету. Серія історична. Вип. 32. – Львів: ЛНУ ім. І.Франка, 1997; *Турій О.* Галицькі русини між москвофілством і українством (до питання про так зване «старорусинство») // Третій міжнародний конгрес українців (Харків, 26-29 серпня 1996 р.). Історія. Ч. 1. Харків, 1996; *Аркуша О., Мудрий М.* Русофілство в Галичині в середині XIX – на початку XX ст.: генеза, етапи розвитку, світогляд // Вісник Львівського університету. Серія історична. Вип. 34. Львів: ЛНУ ім. І.Франка, 1999; *Добржанський О.* Національний рух українців Буковини другої половини XIX – початку XX ст. Чернівці: Золоті литаври, 1999; Старик В. Від Сараєва до Парижа. Буковинський Interregnum 1914-1921. Чернівці: Прут, 2009 и др.

